
ДИСКУРС «СОЦИАЛЬНОГО МАТЕРИНСТВА» И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В 1930–1950-е ГОДЫ

Ю.В. Градскова

Статья посвящена советской политике поддержки (welfare politics) материнства и детства в 1930–1950-х годах. В работе анализируются противоречия дискурса «социального материнства» и его влияние на повседневные практики «помощи» матерям и детям. Исследование проведено с использованием метода «устной истории».

Ключевые слова: дискурс, повседневные практики помощи, материнство, устная история

Проблема защиты матерей и детей – снижение материнской и младенческой смертности, охрана здоровья и создание минимально необходимых условий для воспитания и развития детей – стала важной темой общественных дискуссий в Европе с конца XIX века. Активное участие в дискуссии приняли благотворительные организации, врачи, активистки женского движения и представители левых и центристских партий. Забота о матерях и детях стала одним из основополагающих элементов политики всеобщего социального обеспечения (welfare politics) [Bock, Thane, 1991]. Законы о предоставлении женщинам бесплатного трехнедельного послеродового отпуска впервые были приняты в Швейцарии и Германии в последней трети XIX века. После окончания Первой мировой войны послеродовой отпуск в Германии становится оплачиваемым, а во Франции вводится система обязательного медицинского ведения беременности (женские консультации). В межвоенный период в большинстве европейских стран были приняты законы, так или иначе направленные на государственную поддержку семьи, материнства и детства, а также появились специ-

альные учреждения и институты, занимающиеся реализацией этого направления социальной работы. При этом конкретные особенности гендерной идеологии, в частности, конструирования понятия «матери» (а позднее «семьи с детьми» и «молодежи») как объекта социальной политики, существенно различались в разных странах и зависели от исторического контекста, политической ситуации, а также от состава и активности акторов, принимавших участие в разработке основных направлений социальной политики.

В России проблемы высокой материнской и младенческой смертности (в зависимости от региона в начале XX века от 17 до 30 % детей умирало в возрасте до 1 года) [Рэнсел, 2003] активно обсуждались на съездах земских врачей, а также активистами и активистками женских и левых организаций [Энгельстейн, 1996. С. 336–338]. Именно в этот период стала популярной идея «социального материнства», предполагавшая вовлечение государства и общества в решение проблемы семьи. Впоследствии эта идея была принята большевиками в качестве основной концепции социальной политики государства пролетариата. Начальные этапы развития этой концепции после революции 1917 года хорошо описаны в работах Венди Голдман и Давида Рэнсела [Goldman, 1993. P. 254–296; Ransel, 2000. P. 28–45]. Они включали в себя создание законодательной и организационной базы для реализации новой политики, а также развитие пропаганды «социального материнства». Законодательная база предполагала принятие декрета о введении оплачиваемого из страховой кассы дородового и послеродового отпуска для работающих женщин (впоследствии стойко сохранившего название декретного), право на получение алиментов через суд в случае отказа отца от «материального обеспечения» ребенка и права женщины на аборт по ее желанию. Институциональная база этой политики включала открытие в 1918 году отдела охраны материнства и младенчества (сначала при Наркомате социального призрения, затем при Наркомате здравоохранения) и его филиалов на всех уровнях – женских и детских консультаций (в то время называемых пунктами охраны материнства и младенчества). Особенно важную роль в развитии новой социальной политики играла кампания по пропаганде новых идей и знаний: участницы делегатских собраний, врачи, медсестры, акушерки, учителя были призваны своими силами распространять информацию о гигиене и уходе за детьми и способствовать формированию нового отношения к детям: вместо выразителей «частнособственнических интересов» собственной семьи они должны стать предметом «всеобщей заботы» в качестве представителей коммунистической утопии будущего [Крупская, 1938. С. 122–123].

Один из основных объектов этой политики в тот период времени был представлен как «трудящаяся женщина-мать», которая должна была быть освобождена от излишних тягот материнства («креста материнства» по выражению Коллонтай [Коллонтай, 1921]) для того, чтобы потратить экономические силы для своего культурного развития, участия в общественной жизни

ни и труде. При этом «женщина» рассматривалась как «мать», биологически связанная с детьми в результате своего природного предназначения, «естественная воспитательница», по «своей природе» любящая детей. Мужчина при этом, вследствие своей природы, практически исключался из понятия родительства и, в лучшем случае, упоминался в качестве источника материальной поддержки детей. Таким образом, «социальное материнство» предполагало поддержку «природного предназначения женского организма» со стороны советского общества и государства.

Дискурс «социального материнства», несмотря на многократные радикальные изменения многих его компонентов¹, дожил практически до конца 1980-х годов и может рассматриваться в качестве объяснительной модели социальной политики Советского Союза в отношении материнства и детства.

Моей задачей в данной статье будет рассмотрение того, как этот дискурс соотносился с конкретными практиками социальной работы по помощи матерям, детям, семьям и молодежи в конце 1930–1950-х годов. Основным методом исследования была «устная история», в качестве источников были использованы 6 интервью с женщинами, рожденными с 1918 по 1940 годы и тем или иным образом практически участвовавшими в осуществлении советской политики в отношении материнства и детства. Используемые интервью были проведены в 2003–2005 годах в Москве, Самаре и Саратове².

Прежде всего, необходимо сказать, что понятие «социальная работа» употребляется мною в данной статье в качестве экстраполяции современных представлений о ее задачах и функциях на повседневную реальность 1930–1950-х годов. Ни одна из информанток не являлась социальным работником по своей профессии и образованию. Моей целью был скорее поиск ответа на вопрос о том, каким образом осуществлялись функции организации социальной помощи конкретной группе нуждающихся, в данном случае —

¹ Достаточно упомянуть отмену аборт в период с 1936 по 1955 годы, замену права матерей, родивших детей вне брака, на алименты от отца ребенка — небольшими государственными пособиями (1944). Не менее интересным может быть анализ изменения продолжительности и размера финансирования отпуска по беременности и родам (так называемого «декретного отпуска»): с 1917 года — 16 недель (8 недель до родов и 8 недель после родов) для женщин, занятых физическим трудом, 12 недель для женщин, занятых умственным трудом (пособие выплачивается страховой кассой); с 1936 года — 56 дней до родов и 56 дней после родов для всех работающих по найму; с 1938 года — 35 дней отпуска до родов и 28 дней после (оплачивается из государственного страхового фонда); с 1944 года — 35 дней до родов и 42 дня после; с 1956 года — 56 дней до родов и 56 дней после родов (полная зарплата выплачивается в этот период только женщинам, имеющим стаж работы не менее трех лет, при этом два года — на данном предприятии); с 1968 года вводится право женщины на дополнительный (после 112 дней декретного) неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до исполнения ему 1 года.

² Интервью проведены в рамках международного проекта по социальной работе (Social Work in Eastern Europe 1900–1960), а также для моего диссертационного исследования по проблемам материнства и красоты в 1930–1960-е годы (BEEGS, Sweden). Автор выражает благодарность Марии Родионовой, Елене Жидковой и Анне Соболевой за помощь в проведении и транскри-

женщинам с детьми. Особенно важными при подходе к этой проблеме были следующие вопросы:

- каковы были ценности и мотивация «социальных работников»;
- как осуществлялось руководство и контроль за их работой;
- в чем состояли особенности «советского контекста» работы с матерями, детьми и семьями;
- как социальные работники представляли себе клиента социальной работы;
- в какой мере советская конструкция «женского» оказала влияние на практики социальной работы.

Пять информанток, об опыте социальной работы которых пойдет речь, родились в деревне (в Саратовской, Московской, Новгородской областях России и в двух областях Украины), все имеют среднее специальное образование. Большинство из них поменяли много мест работы в течение жизни, однако четыре являлись медицинскими работниками (медсестра, фельдшер и акушерка). В этом случае «социальная работа», которую они выполняли, являлась частью или приложением к их основной работе. Две остальные имели основные специальности, связанные с физическим трудом (водитель и строитель), и занимались «социальной работой» в рамках так называемой «общественной» работы – в качестве председателя родительского комитета школы, председателя совета содействия семье и школе на заводе и профсоюзного работника на стройке.

Что касается выбора профессии, то чаще всего он был обусловлен крайне прозаическими соображениями и связан с поисками выхода из тяжелых экономических или психологических обстоятельств. Так, Полина (родилась в Саратовской области) и Елена (родилась на Украине) рассматривали работу медсестры в качестве возможности избежать голода и беспросветной жизни в колхозе. Елена, которая едва смогла сдержать слезы, вспоминая то время, рассказывала о своем обучении в медицинском училище после войны:

«Мы жили в деревне. Мы жили в колхозе, мы жили без паспортов, без права выезда. И я... это было как раз после войны, 47-й год, мы так голодали и все, прямо со школы, группой – нас одиннадцать человек! Самый ближний техникум был медицинский, за 35 километров город Т. И мы туда пешком – 35 километров пешком! Котомку – мама продукты там чего-нибудь даст – и пешком! Вот я вам скажу, я поступила в этот техникум, мы сдали экзамены, и я его, можно сказать, кончала... поступила, да, первый год, и у нас был классный руководитель – женщина. И говорит: “Девочки, ну, я понимаю, да, что война, что нечего кушать, все, но вы же все босиком”. Мы босиком и в фуфайке. “Ну, девочки, ну неприлично ходить босиком! Ну, хоть что-нибудь на ноги пусть вам родители купят!” Вы даже не можете представить, в какой мы обстановке жили! Дома – ничего. У нас дома все пришли и все описали. А что описывать?! Рядушка вот такая вот была, деревянная кровать и на кровати была солома. Потому что даже у нас матраса не было. И я кончала техникум, в общежитии жила с опухшими ногами от голода. Потому что если я сниму сапоги, потом я их обратно не одену. Не хочу вспоминать».

Для Анастасии, отправленной нацистами на принудительную работу в Германию, после войны (как для бывшей *ostarbeiter*) были закрыты двери практически всех учебных заведений. Одним из немногих учебных заведений, где не требовалось заполнять длинную анкету, оказались РОККовские курсы медицинских сестер в Москве¹.

Общественная активность Екатерины, ставшей помимо основной работы школьной лаборантки и школьного киномеханика членом родительского комитета школы, выглядит значительно более добровольной. Особенно важно отметить ее многочисленные собственные инициативы, например такую, как организация кружка по обучению трудных подростков мастерству киномеханика. Однако сам приход Екатерины в школу в середине 50-х годов обоснован скорее практическими соображениями – необходимостью улучшения условий образования (а именно – устройство в хорошую московскую школу) ее четырех детей. В процессе интервью Екатерина сказала, что все-таки самой любимой ее профессией была профессия водителя – информантка проработала водителем практически все военные и послевоенные годы.

В то же время большинство информанток неоднократно упомянули «любовь», «жалость», «сочувствие к страдающим» в качестве описания своего отношения к работе и к клиенткам. Эти и другие компоненты «этики заботы», описанные Карол Гиллиган [Gilligan, 1982] в качестве культурно сконструированных компонентов «женственности», чаще всего представляются «естественными» для информанток:

«Самое главное – ведь человек с душой подходит к человеку!» (Полина).

«Вы знаете, я очень люблю помогать больным. Очень люблю больных, несчастных» (Анастасия).

Таким образом, можно сказать, что именно «женские», а не профессиональные качества информанток были задействованы в практиках оказания социальной помощи.

Однако работа в государственной системе и логика медицинской профессии налагали свои требования на отношения между социальными работницами и их клиентками. В рассказах информанток женщины, матери и дети нередко предстают в качестве неких «неодушевленных» и/или «несамостоятельных объектов» их работы: *«У нас поток – по 20 родов», «закладывается палата свежими женщинами»* (Полина); *«кто кормит грудью – мы выдавали кормить детей»* (Анастасия), *«чтобы я знала, кого нужно охватывать»* (Екатерина).

Социальная помощь, в зависимости от характера основной работы информантки и этапов рассматриваемого периода, включала в себя различные элементы. Кроме того, дискурсивные обозначения для объектов социальной работы нередко отличались от тех, какими их представляли информантки

¹ Можно предположить, что более мягкие условия приема на курсы РОКК (Российского Общества Красного Креста) были связаны с необходимостью хотя бы частичного соблюдения устава этой организации, имевшей статус международной.

в процессе интервью. Так, клиентками Полины, работавшей в 1938–1941 годах в системе охраны материнства и младенчества, были беременные женщины и матери с маленькими детьми. Однако в разговоре Полина описала своих клиенток как раскулаченных, как и она бежавших от коллективизации бывших крестьянок, живших почти в землянках на окраине Самары и нередко являвшихся одинокими матерями. Анастасия, работавшая детской патронажной медсестрой в одной из московских поликлиник в 1957–1960 годах, охарактеризовала своих клиенток как недавних переселенцев из села, представителей рабочего класса, живших в сложных условиях коммунальных квартир.

В случае Екатерины, возглавившей в 1960 году заводской совет содействия семье в Москве, клиентами оказались, помимо детей сотрудников завода, и дети подшефного интерната, где она организовывала внешкольную активность и, в частности, экскурсии.

Работа с матерями и детьми, которую осуществляли медицинские работники во всех случаях (в женских консультациях, роддомах и яслях), включала в себя «обучение матери» принципам гигиены, правильному кормлению ребенка грудью, воспитанию ребенка. Однако их функции этим не ограничивались. Работа в женской консультации в предвоенные годы предполагала, что Полина непосредственно участвует в распределении продуктов питания и одежды, выделяемых государством для нуждающихся матерей: она лично, например, разносила и раздавала двухсотграммовые порции сахара беременным женщинам и матерям с маленькими детьми, а также распределяла пустышки, пеленки и ползунки в соответствии с запросами матерей. Полина представила себя настойчивой в выполнении своих обязанностей (как она их понимала) – обеспечении матерей с детьми достойными условиями жизни и, по ее словам, «слишком часто» появлялась в горьздраве, прося улучшить жилищные условия той или иной матери. В свою очередь Анастасия, работая патронажной сестрой в московской поликлинике в 1957–1960 годах, должна была собирать и разносить по квартирам донорское молоко.

Но Полина, например, была также ответственна и за репрессивные функции в отношении женщин, занимаясь посещениями на дому тех из них, которым было отказано в операции аборта на основании постановления о запрещении абортов 1936 года:

«Да. Я ходила. Ну, вот врач скажет, Т. (фамилия врача. – Ю.Г.) там, многие врачи там у нас: “Надо вот обследовать эту женщину, что-то у меня какое-то есть сомнение к ней. Обратите внимание на это, обратите на это”. Прихожу. Нет, не сразу говорю, просто смотрю: какое отношение к обстоятельствам домашнего, какое отношение к... приходит кто, с кем ты там работаешь, что кушаешь. Они меня там все знали, вот что! “Опять идешь, опять обследовать. Аборт я не сделала, нет! Я оставила. Раз вы сказали, врач мне сказала – не делай аборт!”. А я вот посещаю.

(Интервьюер.) А если делали аборт?

Знаете что, судили, судили, дорогая моя, ой! Кому и делали. Как и сейчас, смотрели обстоятельства – такое, плохое, зарплата, всякое. По бо-

лезни. По указанию врача, который обследует. А нам, чего уж нам, нам что – что скажут, мы и идем обследовать. И мы идем им докладывать, а они уж делают вывод».

Работа медсестер не ограничивалась проблемами здоровья. Чаще всего они были вынуждены (в соответствии с «естественной этикой заботы»), а в определенные периоды времени (в 1930–1940-х годах) были обязаны также наблюдать за «семейным благополучием». Женская консультация и детская поликлиника представлены Полиной и Анастасией как то место, куда женщина могла обратиться со своей проблемой в семейных отношениях. По словам Полины, в сложных случаях (например, отказ мужа в содержании жене и/или детям) необходимые бумаги подписывались врачом, передавались юристу, и Полина получала задание обследовать на дому «как у них там».

Как видно из приведенного отрывка, Полина, несмотря на сочувствие своим клиенткам, в целом, помогала осуществлению репрессивной политики государства в отношении женщин, что приводило к смешению понятий заботы и контроля. Совмещение «заботы и контроля» находилось в центре сталинской интерпретации «социального материнства» и чаще всего предстает в интервью в качестве непротиворечивого конструкта. Об этом свидетельствует, например, беседа с Ксенией, работавшей медсестрой в яслях в Саратове в 1938–1940 годах, когда период декретного отпуска для матерей был внезапно сокращен до 28 дней после родов ¹:

«Я работала в яслях, и там были совсем маленькие дети. Я их кормила, которые были на искусственном, а к которым приходили матери.

(Интервьюер.) И на работу мама уходила?

Да. На работу уходила. Мы их перепеленали, там. Посмотришь, мокрый. И... такие шестимесячные, семимесячные. Ну, жизнь такая была тяжелая все-таки, не каждая могла сидеть с ребенком.

(Интервьюер.) А официально разрешали дома сидеть с ребенком?

Ну, в то время, если у тебя есть возможность, то можно и не работать. Если обеспеченные там, скажем. Муж если работает, то она могла сидеть. А которые не могли, то они отдавали вот в ясли. Мы принимали маленьких».

Что касается так называемой «добровольной социальной работы» – работы в женских организациях и профсоюзах, – то на основании интервью можно сделать вывод, что в 1930–1940-е годы она в значительной степени сливалась с партийной и комсомольской и оставляла мало возможности для раз-

¹ Так, например, Н.В. Мананникова из Москвы писала в 1939 году в журнале «Вопросы материнства и младенчества»: «Как известно, в силу этого постановления продолжительность срока послеродового отпуска определяется в 28 дней вместо прежних 56 дней; из этого следует, что в ближайшее время в наши детские ясли должны прийти тысячи детей с 29-го дня жизни. У нас не было до сих пор опыта в уходе за детьми такого раннего возраста в условиях ясельного учреждения, а потому, всякому понятно, какая большая ответственность сейчас ложится на ясельных работников в подготовке к приему этих детей» [Вопросы материнства и младенчества. 1939. № 2–3. С. 8].

вития собственной инициативы, тем более – «человеческого» и «индивидуального» подхода к клиенту. Одно из интервью, также собранное в период работы над этой статьей, но не ставшее основным источником для ее написания ¹, упоминает, что в период войны мать информантки в качестве жены командира госпиталя, эвакуированного из Тулы в Самарскую область, должна была принимать участие в деятельности женсовета ². Однако женсовет фактически стал дополнительной хозяйственной единицей, мобилизованной на выполнение государственных задач. Так, наиболее ярким воспоминанием информантки о том времени было то, как ее мать должна была вместе с еще четырьмя женщинами, членами женсовета, в течение недели ездить по соседним деревням и менять соль на картошку для колхозной посевной.

Другая информантка, Светлана из Подмосковья, отправилась на комсомольскую стройку химического комбината в Кемеровской области и с того времени (ей было 16 лет) всю свою жизнь являлась профсоюзной активисткой. Светлана обратила внимание на значительные различия, существовавшие в профсоюзной работе конца 1950-х годов и позднее – в 1970-е годы. В 1970-е годы, по ее мнению, особенно важной была работа профсоюзной кассы взаимопомощи, благодаря которой отдельные члены профсоюза могли купить одежду и мебель, а также организовать детский досуг и летний отдых, в период ее работы на комсомольской стройке профсоюзная работа была практически неотличима от комсомольской. При этом и та, и другая не предполагала наличия собственной инициативы, а могла быть определена, по словам Светланы, как: *«Были там, где что-то требовалось!»*. Этот девиз перекликается с определением Полиной своей роли: *«Куда ни пошлют – я тут как тут»*. В каждом из двух случаев тот организм, который «требовал» и «посылал», представлял собой некую высшую силу и никак не был связан с конкретными потребностями индивидуального человека.

В воспоминаниях Светланы о двух годах ее работы на стройке нет упоминания о конкретной помощи кому-либо (ее рассказы о повседневной жизни строителей в основном состоят из перечисления трудностей), хотя, по ее словам, она занималась общественной работой весь день. «Общественная работа» Светланы включала в себя, в частности, бесплатную сверхурочную работу каменщиком на строительстве Дворца культуры строителей, организацию политинформации для рабочих и литературных вечеров о творчестве Пушкина и Шевченко в рабочих общежитиях и на стройплощадках. И вполне очевидной для нее и ее подруг представлялась ситуация, когда помощь одинокой матери-комсомолке, родившей ребенка на стройке и жившей с ним в общем общежитии строителей, оказывалась ей и ее подругами как бы в «частном порядке» и не была связана с «общественной работой»:

¹ Интервью с женщиной (родившейся в 1927 году в Туле).

² Женсовет в этом случае был разновидностью движения общественниц – работы по улучшению быта рабочих, осуществляемой женами кадрового состава и инженерно-технических работников. См.: Maier R. Die Hausfrau als kul'turtreger im Sozialismus // Kultur im Sozialismus / G. Gorzka (Ed.). Edition Temmen. Bremen, 1994. P. 39–46.

«Я считаю, что это – вторая семья (коллектив общежития. – Ю.Г.). Это настолько взаимовыручка – во всем!» (Светлана).

Такая помощь не могла быть, однако, названа «частным делом», дискурс социального материнства и общественного долга обязывал Светлану помогать (в том числе сидеть с ребенком, когда это было необходимо), но не предполагал необходимости какого-либо вмешательства государства или профсоюза.

В то же время «общественная» социальная работа в период после 1954 года включает в себя больше элементов добровольности и «усиления клиентов» и меньше контроля. *«Мы – молодые идеалисты»*, – говорит о себе Светлана, активно использовавшая свою инициативу в общественной работе в более поздний период, в 1970-е годы в Москве. В конце 1950-х годов инициативность особенно характерна для Екатерины, которая во многом сама планировала работу совета семьи и организовывала деятельность родительского комитета в школе. Например, она проявляла эмпатию к женщинам, просящим у нее совета в решении проблем алкоголизма мужей, супружеских конфликтов и плохой успеваемости детей. Несмотря на то, что сама она являлась матерью четырех детей, она посещала на дому «проблемные семьи» и принимала деятельное участие в решении проблем «неблагополучных детей».

Однако в этом случае существенными проблемами в работе оказывались отсутствие специальной подготовки и надежных властных и финансовых механизмов влияния. Так, единственное дополнительное образование Екатерины (помимо шоферских курсов) заключается в однодневных вечерних педагогических курсах повышения квалификации, что ставит под сомнение эффективность ее помощи семьям. Что касается возможностей влияния на принятие решения и доступ к механизмам поощрения, то, по словам Екатерины, они были явно недостаточными. Как и в случае Полины и Анастасии, ее мнение в обсуждении проблем не могло быть решающим. Так, например, она рассказала, что до сих пор не может забыть, что директор школы не стал считаться с ее мнением и защищать в суде подростка, который, по словам Екатерины, имел много смягчающих обстоятельств при совершении воровства и мог избежать тюремного заключения. В период ее работы на заводе, как она сказала, все важные решения относительно социальной жизни коллектива принимались треугольником (директор, парторг и председатель месткома), что давало ей только совещательный голос.

Интервью оставляют впечатление, что социальная работа в интересующий нас период времени представляла собой довольно организованную бюрократическую систему. Так, все патронажные медсестры должны были оставлять в специальной тетради подробные записи о посещении своих подопечных, а Екатерина содержала целый архив – специальные папки на каждую заводскую семью с указанием имеющихся проблем и оказанной помощи, а также тетрадь, куда были внесены данные обо всех молодых рабочих завода, нуждающихся в продолжении обучения.

Условия работы и жизни большинства информанток можно определить скорее как тяжелые. Каждая из них нуждалась в социальной помощи, в то вре-

мя как многие рассматривались своей семьей как главные «помощники». Как уже говорилось, Полина и Елена устроились на работу в медицинские учреждения, чтобы спастись от голода. Анастасия нуждалась в реабилитации и защите своих прав как бывшая узница нацизма, подвергавшаяся дискриминации в условиях сталинского режима: *«Я – “враг народа” была... Поэтому я была нежелательна везде»*. Светлана рассказала о том, что до сих пор благодарна той помощи, которую ей оказала школа в приобретении одежды – их семья сильно нуждалась, а мать Дарьи в период членства в женсовете официально имела инвалидность как слабовидящая и не могла работать по прежней профессии учительницы. Двое из информанток, Полина и Елена, представили себя как ответственные за благосостояние своей «большой» семьи, так как в течение многих лет посылали значительную часть своих сбережений родственникам – матери, сестрам и их детям.

Работа информанток оплачивалась по одному из наиболее низких разрядов – они не имели высшего образования и были молоды (следовательно, в 1930–1950-е годы не имели продолжительного стажа работы). Зарплата в предвоенные и послевоенные годы была очень низкой (информантки говорили о 38, 45 и 50 рублях). Поэтому многие, как Полина, Елена или Анастасия, работали на полторы-две ставки. Рабочий день Анастасии, например, продолжался с 8 утра до 7 вечера, примерно половину этого времени она посещала семьи в качестве патронажной медсестры.

Что касается наград и благодарностей, то их, по словам информанток, было очень много. Однако ответ на вопрос о наградах всегда сопровождается более или менее явным сожалением о том, что «благодарности» были лишь словесными и не вели к улучшению жизни работниц. Большинство из информанток были награждены многочисленными грамотами, письменными благодарностями, хотя Светлана, например, упоминала и серебряный подстаканник, подаренный ей Кемеровским обкомом за профсоюзную работу на комсомольской стройке, а Екатерина – хрустальную вазу и ридикюль.

Благодарная память бывших клиенток представляется информанткам не менее важной, чем премии и грамоты:

«Знаете, долго меня Ц. (название района в Самаре. – Ю.Г.) не забывала... все кланялись мне, а я маленькая такая» (Полина о работе в охране материнства и младенчества).

Анастасия также упоминает, что ее бывшие клиенты узнают ее на улице.

Собранные материалы подсказывают, что в противоположность предполагаемым ценностям гендерного равенства, повседневные практики социальной работы в рассматриваемый период являлись, скорее, механизмом конструирования и утверждения традиционной патриархатной модели отношений. Так, Анастасия, например, поучала своих клиенток:

«Нельзя свекровь обижать, терпи, тогда будет семья. Береги мужа. Больше на себя возьми обязанностей, чем на мужа. Тогда сохранишь се-

мью. Семьи не будет, если все на мужа. Второго ты не найдешь, лучше-го. Второй будет обязательно хуже. Береги семью, потому что у тебя сын или дочь».

Таким образом, патриархатные ценности непротиворечиво сочетались и с концепцией «социального материнства». Собранный материал свидетельствует, что социальные работники не только руководствовались идеями «социального материнства» в своей профессиональной и общественной деятельности, но и следовали ей в своих собственных материнских практиках: «*Если вырастили ребенка, школа вырастила ребенка, кружки вырастили ребенка такими знающими*», – сказала в конце беседы Екатерина, мать четырех детей, о своей семье.

Рассмотренный материал показывает, что социальная работа являлась частью концепции «социального материнства», которая использовалась государством не только для защиты здоровья и достойных условий жизни матерей и детей, то есть воплощения на практике ценностей государства всеобщего благосостояния, но и внесла определенный вклад в советские репрессивные практики, способствовала деиндивидуализации, дискриминации, а иногда и гибели людей. Повседневные практики работы с матерями и детьми представляют сложную и неоднозначную картину взаимоотношений помогающего и получающего помощь.

Профессиональный уровень социальной работы был довольно низким, что объяснялось как отсутствием необходимой квалификации, так и недостаточной экономической поддержкой социальной работы со стороны государства. Большая часть социальной помощи, которая оказывалась семьям, матерям и детям, осуществлялась в значительной степени за счет эксплуатации традиционных гендерных стереотипов социальных работников, в частности, утверждения «доброты и заботы» в качестве моральных императивов женственности.

Об информантках

Екатерина. Родилась в 1918 году в деревне в Новгородской области. Закончила 8 классов школы, затем водительские курсы. В военные и послевоенные годы работала водителем. В 1952–1959 годах работала лаборанткой в школе в Москве (член родительского комитета школы), в 1960 году начинает работать в качестве мастера производственного обучения и председателя совета содействия семье и школе на заводе.

Полина. Родилась в 1918 году в деревне в Саратовской области. В 1936–1938 годах училась в медицинской школе в Самаре, в 1938–1941 годах работала в системе охраны материнства и младенчества (медсестрой и патронажной медсестрой). Впоследствии работала в качестве медицинского работника в системе госбезопасности.

Ксения. Родилась в Саратове в 1920 году. В 1938 году окончила медицинскую школу, в 1938–1940 годах работала в яслях, затем была мобилизована на фронт. После войны работала в детской больнице Саратова.

Анастасия. Родилась в 1922 году в Днепропетровской области (Украина). В 1941–1945 годах была угнана на принудительные работы в Германию. Окончила медицинские курсы в Москве, в 1954–1957 годах работала медсестрой в яслях, в 1957–1960 годах – медсестрой в детской поликлинике и патронажной медсестрой.

Елена. Родилась в 1931 году в Винницкой области (Украина). Окончила медицинский техникум и в 1950–1953 годах работала акушеркой и фельдшером в Амурской области. В 1954–1959 годах работала акушеркой в Ленинграде.

Светлана. Родилась в 1940 году в Подмосковье, закончила 7 классов и торговый техникум. В 1956–1959 годах работала каменщиком на строительстве химического комбината в Кемеровской области, занималась профсоюзной работой.

Список литературы

Коллонтай А. Крест материнства // Коммунистка. 1921. № 8–9.

Крупская Н. Желаю успеха в вашей работе! // Женщина страны советов – равноправный гражданин. М.: Партиздат ЦК ВКПБ, 1938.

Рэнсел Д. Культура деторождения у белорусских, еврейских и татарских женщин на территории Беларуси конца XIX – начала XX в. // Женщины на краю Европы / Под ред. Е. Раповой. Минск: ЕГУ, 2003.

Энгельстейн Л. Ключи счастья: секс и поиски обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: Терра, 1996.

Bock G., Thane P. (Eds). Maternity and gender policies: women and the rise of the European Welfare States 1880s–1950s. London; New York: Routledge, 1991.

Goldman W. Women, the State and the Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Gilligan C. In a different voice: psychological theory and women's development. Cambridge, 1982.

Ransel D. Village Mothers: Three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington: Indiana University Press, 2000.

Юлия Владимировна Градскова
докторант Школы Балтийских
и Восточно-Европейских исследований,
Стокгольм, Швеция
электронная почта: gragol14@yahoo.com
